

1. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. С. ЛУРЬЕ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

1

Среди научного наследства, оставленного советской историографией дореволюционной наукой, исследования по истории русского летописания занимают почетное место. Летописи, это своеобразнейший и весьма устойчивый по своим признакам вид исторического повествования (во многом отличный от аналогов других народов средневековья), играли важную роль в жизни Руси с XI по XVI в.; для истории всего этого периода они служат одним из основных исторических источников. Уже ученые XVIII в. (В. Н. Татищев, А. Л. Шлецер и др.) обратились к истории русского летописания; много занимались этой темой историки и в XIX в. В 1841—1846 гг. началось издание многотомного «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ); к 1917 г. вышло 23 тома этого собрания; некоторые летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская IV) издавались в составе «Полного собрания» несколько раз. Готовились к печати перед революцией и некоторые памятники исторического повествования, параллельные летописи: переводная греческая хроника Георгия Амартила (В. М. Истрин), Единственный летописец (К. К. Истомин).

Крупнейшим достижением русской науки начала XX в. были труды академика А. А. Шахматова по летописанию. Основным предметом исследований А. А. Шахматова, начатых еще в конце XIX в., было древнейшее киевское летописание. Но это исследование А. А. Шахматов вел совсем иным путем, чем его предшественники. Уже историки XIX в. пришли к заключению, что дошедшие до нас летописи чаще всего представляли собой «своды» — сборники разновременного исторического материала. Однако, основываясь на этом наблюдении, ученые XIX в. ограничивались тем, что пытались разложить летописные своды на отдельные элементы — погодные записи, новосты, местные лето-

писцы». А. А. Шахматов исходил из того, что источниками большинства дошедших до нас сводов были другие своды, а не отдельные записки. Именно поэтому основным методом его исследовательской работы стал не субъективный (и из-за этого часто произвольный) анализ отдельных летописных сводов, а сопоставление их между собой. Сопоставление между различными летописями на значительном протяжении позволило приходиться к выводу об их общих источниках — более ранних сводах. Так постепенно вырисовывалась общая история русского летописания, начиная с конца от реально дошедших до нас сводов второй половины XIV—XVI вв. вглубь, к сводам XIV, XIII, XII вв. и далее к источникам «Новести временных лет» — сводам XI в. К 1917 г. основной труд А. А. Шахматова, подводящий итоги его многолетним размышлениям по истории летописания, был близок к завершению. А. А. Шахматов издал первый том своей работы «Полость временных лет», содержащий вводное исследование, реконструкцию первоначальной редакции «Новести» 1113 г. и реконструкцию так называемого «Начального свода», предшествовавшего «Новести».¹

Исследования А. А. Шахматова имели большое методологическое значение для исторической и филологической науки. Изучение истории летописания на всем ее протяжении раскрывало перед ученым самый метод работы древнерусского книжника: систематические (хотя часто весьма скромные по размерам) поправки, внесенные летописцами и предшествующие своды, оказывались не плодом случайных недоразумений, а выражением определенных политических тенденций. «Из позднейших летописных сводов XII и XIII вв. мы можем составить представление о том, как призрачно они оценивали современные события, — писал Шахматов, объясняя различия в редакциях «Новести временных лет», — рукой летописца управляли в большинстве случаев не высший идеал далекого от жизни и мировой суеты благочестивого огнемилника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководившим этими событиями... рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».² Легко понять, как важен был этот вывод при использовании летописи в качестве исторического источника. «Из истории нашей утонченной жизни рукою А. А. удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты», — говорил М. Д. Пристский несколько лет спустя, подводя итоги деятельности А. А. Шахматова. «Летописец встает перед нами как памятник страстной политической борьбы, а летописца выживотен

¹ [А. А. Шахматов]. Полость временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916. Летописец записки Археографической комиссии, вып. 29, Пгр., 1917. Второй том книги «Новости временных лет» и ее источники был издан в 1930 г. и частично в 1937 г., см. стр. 10, прим. 24; стр. 12, прим. 28.

² [А. А. Шахматов]. Новость временных лет, т. I, стр. XVI.

участниками ее или перьями в руках ставшейших политических деятелей. Все намеки, подомолвки, поправки различных редакций и послесловий получают глубокий смысл, и памятники, давно, казалось, знакомые науке, и новом освещении начинают говорить многое такое, что ранее мы не умели в них прочесть или о чем не умели их спросить.³

Не менее важна была работа А. А. Шахматова и для археографической практики — издания летописных текстов. Стремился приступить по возможности к изданию летописного материала. А. А. Шахматов заново изучая летописи, как опубликованные в ПСРЛ, так и не входившие в эту серию и просто неподанные. В ходе этой работы им были открыты совершенно новые летописные памятники (Симеоновская летопись, Ермолинская летопись, Новгородская летопись по списку Дубровского и другие), а ряд летописей, известных прежде, по новому определен и охарактеризован (Тифлисская летопись, так называемая Ростовская летопись). Теоретические рассуждения А. А. Шахматова давали иногда даже возможность предугадывать нахождение прежде неизвестных летописных памятников: так, например, он сугубо теоретически доказал (на основе Симеоновской, так называемой Ростовской и других летописей) существование великокняжеского свода 1479 г., и затем нашел этот свод в рукописи XVII в. (Армитажский список).⁴ Но открытия Шахматова требовали очень серьезных изменений в приемах издания летописей. Различия между летописными текстами, которые издатели ПСРЛ рассматривали как следствие ошибок переписчиков, оказывались чертами особых летописных редакций: происшедшее соединение различных чтений и создание контаминированных «лучших текстов», практиковавшееся в прежних изданиях, приводило к серьезному искажению текста летописей. Так, например, Шахматовым было установлено, что Радзивилловская летопись, которую прежние издатели ПСРЛ считали одним из списков Лаврентьевской летописи (и использовали при издании Лаврентьевской для подведения различий и для исправлений в тексте), представляла собой особую летопись и отличалась от редакций владимирского летописания, чем Лаврентьевская.⁵

³ М. П. Барсова о П. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова ПУИС АИ за 1920 г., т. XXV, Петр., 1922, стр. 136.

⁴ Предположение о своде 1479 (1480) г. было высказано в статье А. А. Шахматова. О так называемой Ростовской летописи, М., 1904, стр. 17—50. Список Армитажский 416 б., содержащий свод 1479 (80) г., был упомянут А. А. Шахматовым впервые в книге: А. А. Шахматов. Рассказы о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 236. Ср.: А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—И., 1938, стр. 256—283 и 307 (на статье «Летописи» в «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона», т. XXV, 1910).

⁵ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах летописи, СПб., 1902, стр. 110.

Принципы А. А. Шахматова были в общем весьма чужды Археографической комиссии, публиковавшей ИСРМ. А. А. Шахматов и А. Е. Присекалов участвовали в отдельных изданиях ИСРМ (Симеоновская и Ермолинская летошны), но, как правило, Археографическая комиссия не занимается предпринятыми исследованьем издаваемыми памятником. По словам М. Д. Присекалова, «обеспечить себя в этом смысле Археографическая комиссия по-прежнему никогда не считала делом обязательным...».⁶

При всем научном авторитете А. А. Шахматова построения его, во многом резко порывавшие с историографической традицией, далеко еще не были приняты дореволюционной наукой. Если и взгляды черноголовцев А. А. Шахматов (занимавшийся действительно наиболее «железные» полиции и тогдашней Академии и даже пришедший в ее архивах подпольные большевистские издания)⁷ был одиозной фигурой, которую следовало «судалить» из Академии наук,⁸ то и в академических кругах его взгляды нередко называли оппозицию. Именно правдоподобностью и «критическому методу г. Шахматова» обязана резкая критика, которой была встречена незадолго до революции книга его последователя М. Д. Присекалова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.». Обширная книга М. Д. Присекалова образцом «научного футуризма», профессор Киевской духовной академии В. Завитинович писал «сподобя этой книги «в характерных особенностях научного приема, первоисточника которого следует искать в названном труде академика Шахматова, перед „результатами“ исследования которого наш автор благовременно преклонился».⁹ В. Завитинович был, конечно, сугубо консервативной фигурой и тогдашней историографии, но в своем неприятии методов Шахматова он был не одинок. Далеко не полностью, как мы увидим, были приняты и науке и традиционно текстологические принципы Шахматова.

Революция не сразу сказывалась на работах по истории летошны. Археографическая комиссия перестала быть «императорской» и спустя несколько лет вошла в состав Академии наук; многочисленные рукописные собрания духовных академий, монастырей и частных лиц оказались в составе нескольких архивных центров Москвы и Петрограда (Центральный архив, Государственный Исторический музей, публичные библиотеки); но вследствие этих

⁶ М. Д. Присекалов. Неполитические замечания к плану издания полного собрания русских летошней. Архив АН СССР (Ленинград), разряд IV, оп. 42, № 26, л. 4; ср. л. 16.

⁷ В. Д. Войнич-Брусевич. В. И. Ленин и Библиотека Академии наук. В кн.: В. Д. Войнич-Брусевич, Избранные сочинения, т. II. Статьи, воспоминания, письма 1903—1914 гг. М., 1964, стр. 453—461.

⁸ Л. Волков. Два академика, Московские ведомости, 1915, № 304.

⁹ См. рецензию В. Завитиновича на книгу М. Д. Присекалова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (Труды Киевской духовной академии, 1914, апрель, стр. 629—654).

важнейших перемен проявились лишь через несколько лет. Гораздо сильнее ощущались на первых порах другие явления — гражданская война и связанная с ней разруха. Одной из жертв этой разрухи стал А. А. Шахматов, преждевременная смерть которого в 1920 г. была воспринята его сподвижниками как тяжелейший удар для возглавляемой им науки. «Когда ствол потрясен ударом могучей руки, сотрясение его не может пройти бесследно и должно почувствоваться всеми ветвями и листьями. И если нам суждено видеть дальнейшие успехи русской исторической науки, мы увидим и следствия этого коренного удара», — говорил М. Д. Присьяков на заседании факультета общественных наук Петроградского университета, посвященного памяти А. А. Шахматова.¹⁰

Издания летописей, находившихся в первые годы после революции, были, в сущности, завершением публикации, начатых еще в прежние годы. Такой характер имели издания Типографской, Ипатьевской (3-е изд., вып. 1), Новгородской IV (2-е изд., вып. 2) и Новгородской V (вып. 1) летописей, подготовленные при непосредственном участии А. А. Шахматова, а также издания повойадешного Рогожского летописца, Софийской I (2-е изд., вып. 2) и Лаврентьевской летописей (2-е изд., вып. 1—3).¹¹ В. М. Петрип закончил подготовленное им издание Хроник Георгия Амартола,¹² издание Еллинского летописца, доведенное в 1917 г. до последней корректуры, так и не увидело света.¹³

Едва ли можно говорить о каком-либо существенном изменении в принципах изданий летописей. Если при изданиях Ипатьевской, Новгородской и Софийской летописей учитывались результаты предшествующих текстологических работ, то издание Лаврентьевской летописи, предпринятое акад. Е. Ф. Карским, обнаруживало как раз полное нежелание редактора считаться с следованиями по истории летоисчисления. Вопреки наблюдениям А. А. Шахматова Е. Ф. Карский продолжал рассматривать Радзивилловскую летопись как один из списков Лаврентьевской летописи и подобно прежним издателям ПСРЛ использовал ее чте-

¹⁰ М. Присьяков. Русские летописание и труды А. А. Шахматова, стр. 435.

¹¹ ПСРЛ, т. II, вып. 1, изд. 3-е, Пгр., 1923; т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925; ч. II, вып. 1, Пгр., 1917; т. V, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1925; т. XV, вып. 1, изд. 2-е, Пгр., 1922; т. XXIV, Пгр., 1924. См. также несколько более поздние издания: ПСРЛ, т. 1, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926; вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927; вып. 3, изд. 2-е, Л., 1928.

¹² В. М. Петрип. Книга временных и образная Георгия Минаха Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. I, Пгр., 1920; т. II, Пгр., 1922.

¹³ Корректурные листы «Летописца Еллинского и Римского» сохранились в Институте русской литературы (Сектор древнерусской литературы) и Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ср.: Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 104, прим. 2).

пыл для «исправлений». Осуществленное им издание передавало поэтому некий контаминированный текст, никогда реально не существовавший.¹⁴

Исследовательскую работу над летописями продолжали в те годы ученые, принадлежавшие к Петербургскому университету и находившиеся под влиянием А. А. Шахматова, — А. Е. Приселков, М. Д. Приселков и более молодые П. Ф. Лавров и А. П. Насонов.

М. Д. Приселков уже в начале 20-х годов приступил к большой работе, которую ему предложил А. А. Шахматов: к реконструкции текста старшей в 1812 г. Троицкой летописи начала XV в. (материал для такой реконструкции далили манускрипты у Карамзина и сходные тексты Симеоновской и других летописей).¹⁵ А. П. Насонов обратился к одной из наименее изученных областей летописания — летописным сводам Твери.¹⁶ А. Е. Приселков и П. Ф. Лавров занимались летописями XVI в.; новый летописный текст XVI в. опубликовал в одной из своих первых работ М. П. Тихомиров.¹⁷

В целом в 20-х и начале 30-х годов работа над вопросами истории летописания не была особенно интенсивной. Превытешением для развития такой работы было не только характерное для этого периода (и в какой-то мере естественное) повышение «спроса на старую литературу» в общественных кругах,¹⁸ но и произошедшее подчас (но только в литературе, но и в науке) неуважи-

¹⁴ Ср.: М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв., Д., 1940, стр. 62, прил. 1; С. П. Вазв, Симеонов археографии, М., Л., 1938, стр. 185—187; Д. С. Лихачев, Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., М.—Л., 1962, стр. 471—472. Говори о недостатках издания Е. Ф. Карского, С. П. Вазв в 1948 г. выразил надежду, «что издание, подобные паданию Е. Ф. Карского, не повторится в нашей историографии» (стр. 137). К сожалению, однако, именно издание Лаврентьевской летописи, сделанное Е. Ф. Карским, положено в основу фототипического издания 1961 г.

¹⁵ Список трудов М. Д. Приселкова см.: Д. А. Калачкова, Хронологический список трудов М. Д. Приселкова, ТОДРП, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 476—480.

¹⁶ А. П. Насонов, Летописные своды Тверского княжества, ДАН СССР, 1926, серия В, ноябрь—декабрь, стр. 125—128. Ср. список трудов А. П. Насонова: История СССР, 1963, № 6, стр. 227—228.

¹⁷ Статья А. Е. Приселкова «Новоизобретенная летопись» была опубликована посмертно (умер в 1930 г.) (см.: Истор. записки, № 8, 1940, стр. 242—247); П. Ф. Лавров, Заметки о Никоновской летописи. Летописный записки Историко-археограф. комиссии, вып. 1 (34), Л., 1927, стр. 55—90; М. П. Тихомиров, Новый памятник московской полтавской литературы XVI в. В кн.: Московский край и его прошлое, ч. 2, М., 1930 (Труды Общества изучения Московской области, вып. 6), стр. 106—114. Ср. список трудов М. П. Тихомирова: История СССР, 1963, № 5, стр. 222—232.

¹⁸ Ср.: М. П. Сперанский, Древнерусская литература за 15 лет Советской власти. Краткий обзор ее изучения. Труды ноябрьской юбилейной сессии, посвященной 15-летию годовщины Октябрьской революции, Л., 1933, стр. 588.

тельное отношение к культурному наследию прошлого.¹⁹ Глава организованного в 1931 г. Историко-археографического института Академии наук С. Томский с гордостью писал в те годы, что этот институт «порядк с тематикой старой Археографической комиссии»;²⁰ в программу изданий института летописи совсем не включались.²¹ Крупнейший исследователь истории летописания М. Д. Приселков с 1927 г. был отстранен от работы в университете;²² в течение нескольких лет М. Д. Приселков, как и А. Н. Насонов, был оторван от научной работы. Трагически прервалась работа и И. М. Троцкого, первого исследователя, пытавшегося соединить текстологическое изучение летописей с анализом социальных воззрений летописцев.²³

Оживление работы по истории летописания наступило в конце 30-х годов. Вновь вернулись к научной работе и к исследованию летописей М. Д. Приселков и А. Н. Насонов; были подготовлены к печати и посмертно изданы труды А. А. Шахматова, несколько десятков лет пролежавшие в архивах.²⁴ Возобновили работу над летописанием XIV—XV вв. М. Д. Приселков завершил начатую еще в 20-х годах реконструкцию Троицкой летописи; в 1939 г. он закончил и в 1940 г. опубликовал «Историю русского летописания XI—XV вв.». П. Ф. Лавров (занимавшийся в конце 20-х — начале 30-х годов вопросами истории революционного движения XIX в.) возобновил свою работу над летописанием XVI в.; А. Н. Насонов исследовал и подготовил к печати Псковские летописи; М. И. Тихомиров описывал летописные памятники Государственного Исторического музея и готовил к изданию Вологодско-Пермскую летопись.²⁵

Возобновившаяся работа над летописанием позволила исследователям поставить вопрос, назревший еще до революции, — о рассмотрении всей системы издания русских летописей. «Полное собрание русских летописей», сыгравшее за сто лет своего существования немалую роль в русской историографии, давно уже устарело

¹⁹ Ср.: С. Ковалев, Социализм и культурное наследие. Правда, 6 сентября 1966 г., № 259 (17570).

²⁰ С. Г. Томский и др. Проблема источниковедения. В кн.: Проблемы источниковедения, сб. 1 (Труды ИАН АН УССР, т. IX), М.—Л., 1933, стр. 9.

²¹ Там же, стр. 241—242. Ср. также: Академия наук СССР, отчет за 1934 г., стр. 304—305.

²² См. об этом письмо М. Д. Приселкова П. К. Никольскому от 23 января 1928 г. Архив АН СССР (Ленинград), ф. 247, оп. 3, № 329.

²³ И. М. Троцкий в: 1) Опыт анализа первой Новгородской летописи. Известия АН, VII серия, отд. обществ. наук, Л., 1933, № 5, стр. 337—362; 2) Элементы дружинной летописи и «Повести временных лет». Проблемы источниковедения, сб. II, М.—Л., 1936, стр. 17—45.

²⁴ А. А. Шахматов. 1) Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв.; 2) «Повести временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 9—150.

²⁵ Ср.: Б. Д. Греков. Изучение истории СССР за 25 лет. Истор. журнал, 1942, № 10, стр. 83—91.

по своим принципам. Прежде всего это так и не стало «целым собранием» ряд летописей остался за бортом этого издания. Совершенно непоследовательными (и крайне неудобными для читателей) были определения летописей, данные в этой серии, и их хронологическое распределение. Летописи именовались то по месту хранения и происхождения, то, преимущественно, по совершенно случайным признакам. Хронологический и географический порядок, который пытались соблюдать издатели серии, не мог быть осуществлен последовательно: после Никоновской летописи, заканчивавшейся XVI и даже частично XVII в. (Новый летописец), следовали более древние Симеоновская и Ермолинская летописи (т. XVIII и XXIII), а между ними включивались более поздние — Казанский летописец и Степенная книга. Почему не соответствовали номера летописей, данные редакторами ИСРМ: Новгородские II и III летописи оказывались гораздо более поздними, чем Новгородская IV летопись, и т. д.

В конце 30-х годов М. Д. Присьяков предложил Институту истории АН СССР (включившему в свой состав Историко-археологический институт) план нового издания ИСРМ — такого издания, которое стояло бы на уровне современных представлений по истории летописания. Различные летописи и летописные редакции, произвольно соединенные в ИСРМ (Радзивиловская, Лаврентьевская и Московско-Академическая летописи, Новгородская I летопись старшей и младшей редакций, разные летописи, объединенные в ИСРМ под именем Псковской I летописи), должны были по этому плану быть изданы раздельно; летописи располагались, по возможности, в правильном хронологическом порядке и получали новые наименования, соответствующие их характеру. По плану выделялось девять Новгородских (Новгородская II и III летописи становились соответственно Новгородской 8-й и 9-й летописью), три Псковских и четырнадцать Московских летописей (начиная с летописей, которые летописно именовались раньше Софийскими, и кончая Никоновской летописью).

План нового издания ИСРМ не был проведен и жить, но первый шаг в этом направлении был сделан. Этим шагом было предпринятое А. И. Пасоновым издание «Псковских летописей», первый выпуск которого вышел в свет в 1941 г. В соответствии с новым планом издания летописей (при создании которого, по-видимому, уже учитывались наблюдения А. И. Пасонова) списки, произвольно объединенные в ИСРМ в единую Псковскую I летопись, публиковались здесь отдельно: в первом выпуске издавалась Псковская I летопись (новонайденный Тихоновский, Архив-

²² М. Д. Присьяков. Предварительные замечания к плану полного собрания русских летописей, дл. 1—42 и 43—49. Ср.: С. П. Валик. Советская археология, стр. 139—144 прим.

ский 4-й и Погодинский списки); во втором выпуске должны были быть напечатаны Псковская 2-я и особо выделенная Псковская 3-я летописи (Стрелецкий список). Однако выходу и свет этого второго выпуска помешала война.

По окончании войны исследование и издание летописей снова возобновились. В 1945 г. уже не было и живых М. Д. Приселкова (умер в начале 1944 г., за несколько месяцев до войны), во время блокады Ленинграда погибли П. Ф. Лавров и молодое ученик Г. Л. Гейермане и С. Л. Трубилин, занимавшиеся новгородскими летописями. А. П. Насонов, М. П. Тихомиров, Д. С. Лихачев (защитивший кандидатскую диссертацию еще перед войной и поступивший в эти годы с рядом статей по истории летописания)²⁷ и другие исследователи продолжали прежнюю работу по истории летописания: была напечатана сборник «А. А. Шахматов», включавший статьи о Шахматове и публикацию его незавершенных работ (часть из них была подготовлена еще до войны П. Ф. Лавровым);²⁸ посмертно опубликована работа М. Д. Приселкова «Троицкая летопись». Появились ряд новых исследований по отдельным проблемам истории летописания (А. П. Насонов, М. П. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Г. А. Рыбаков, Л. В. Черешнин, И. П. Еремин, К. П. Сербина, Д. Н. Аляхин, В. Т. Пашута и др.); в 1947 г. вышла в свет книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение. Обширная работа по изданию летописей: были опубликованы отрывки из Владимирского летописца и Московский летописный свод конца XV в. (М. П. Тихомиров), Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (А. П. Насонов), Устюжский летописный свод (К. П. Сербина); в новой академической серии «Литературные памятники» вышла в свет комментированное издание «Повесть временных лет» (Д. С. Лихачев, Г. А. Романов).²⁹ Но соединить

²⁷ Д. С. Лихачев. Новгородские летописные своды XII в. (Автореферат по списанию ученой степени канд. филол. наук). Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, т. III, вып. 2—3, 1944, стр. 96—106. Список трудов Д. С. Лихачева см.: Ученый корреспондент АН Д. С. Лихачев, М., 1966, стр. 43—75.

²⁸ «А. А. Шахматов, 1864—1920». Сборник статей и материалов под редакцией акад. С. П. Обнорского, М.—Л., 1947 (с вступительной статьей П. Ф. Лаврова и сборнике напечатаны работы А. А. Шахматова «Киевский летописный свод 1025 г.» (введение, фрагмент) и II его «Повесть временных лет») и «Киевский летописный свод XII в.»

²⁹ М. П. Тихомиров. Из «Владимирского летописца». Петербургские известия. № 15, 1945, стр. 278—300; ПСРЛ. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.—Л., 1949; Новгородская летопись старшего и младшего извода. М.—Л., 1950; Устюжский летописный свод (Архисмоленгородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. П. Сербиной. М.—Л., 1950; Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Г. А. Романова, ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. И. Адроповой-Поретц. М.—Л., 1950.

Эти издания в какую либо единую систему исследователи не пытались. План нового издания ИСРЛ, предложенный перед войной М. Д. Приезиковым, был в 1947 г. опубликован С. П. Вальсом, справедливо заметившим, что дальнейшее обсуждение этого плана «привело бы к крупнейшей положительной работе и области создания систематического и стоящего вполне на уровне современной науки издания богатейшего летописного достояния русской письменности».³⁰ Это поколение, к сожалению, так и не было посвящено — план нового издания ИСРЛ и исследовательское время не разрабатывался и не обсуждался. Не всегда можно осуществить и издания отдельных летописей: достаточно указать, например, что второй выпуск такой ценнейшей книги, как «Новгородские летописи», А. И. Пасолону удалось напечатать только через 14 лет после выхода первого выпуска, в 1955 г.

Серьезным препятствием к работе над летописанием были не столько идеологические явления, характерные для конца 40-х — начала 50-х годов. Борьба против так называемого «космополитизма» (осмыслявшаяся в этом случае как борьба с «формализмом» в его крайнейшей упрощенной форме), как это ни удивительно, затронула даже летописание. Издание реконструкцию Троицкой летописи, сделанную М. Д. Приезиковым, или Устюжский летописный свод XVI в., редакторы услаждали их неожиданными и в сущности совершенно извращенными замечаниями по поводу того, что в эти летописи проникли легенды о происхождении варягов, которые были «активно использованы исследователями сторонниками антинаучной норманской теории».³¹ В печати появились статьи о А. А. Шахматове и М. Д. Приезикове как «о буржуазных источниковедях», якобы отрицавших «роль самих славян в истории Руси» и приписывавших главную роль в этой истории Византии и норманнам.³² Утверждая, что в работах А. А. Шахматова его «антинаучная схема» предстает, как они выражались, во всей ее «непривлекательной, глубоко антинаучной и антипатристической наготе», авторы писали, что советская наука «научно опровергла общенационалистические концепции старой историографии, а тем самым обрисовала полный крах буржуазного (в том числе летописного) источниковедения».³³

³⁰ С. П. Вальс. Советская археография, стр. 139.

³¹ М. Д. Приезиков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 3—4; Устюжский летописный свод, стр. 7—8.

³² В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. Вопросы истории, 1952, № 3, стр. 34; И. У. Будонинц. Об исторических построениях М. Д. Приезикова. Петр. записки, т. 3, 1950, стр. 201, 229, 231. Возражения И. У. Будонинцу см. в статье: И. С. Дурье. Михаил Дмитриевич Приезиков — источниковед. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 467—468.

³³ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед, стр. 54 и 72.

Подлинный перелом в исследованиях и особенно в издании летописных памятников начался в 50—60-х годах. Именно в эти годы в работах по летоисанию в полной мере начинают сказываться последствия гражданской реформы архивного дела, произведенной после революции, — централизации архивов. Целый ряд забытых, неиспользованных и просто неизвестных текстов был обнаружен в рукописных хранилищах. Инициатором этой археографической работы следует считать М. П. Тихомирова, уже в 20—30-х годах нашедшего ценные летописные тексты в московских собраниях (главным образом в собрании Государственного Исторического музея) и среди них Уваровский список Московского свода конца XV в., близкого к открытому Шахматовым своду 1479 г.³⁴ В 1950 г. О. А. Яковлева обнаружила в собрании ГИИ Искраевский летописец. Этот летописный памятник начала XVII в., дающий важные сведения об опричнине и Крестьянской войне, был известен археографам конца XIX в., но затем исчез из поля зрения исследователей; в 1955 г. Искраевский летописец был опубликован.³⁵ В 1950 г. А. А. Зимин нашел, а в 1952 г. опубликовал (совместно с С. А. Левиной) другой «исчезнувший» летописный памятник — Посафоновскую летопись XVI в.³⁶ А. А. Зиминным и другими авторами были обнаружены также многочисленные местные летописи и краткие летописцы конца XV—XVII вв.³⁷

³⁴ Ср. выше, стр. 9, прим. 17, стр. 12, прим. 20. Список Увар. № 1366 был обнаружен М. П. Тихомировым в 1928 г.; печатное сообщение о нем см. М. П. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. 1, М., 1940, стр. 112. См. также: М. П. Тихомиров, 1) Малыеизвестные летописные памятники, Истор. архив, т. VII, 1957, стр. 207—253; 2) Зиминки о рождении Елены Глинской и бракем царевича 1533—1547 гг. Истор. архив, т. 46, 1954, стр. 278—288.

³⁵ А. П. Яковлева и О. А. Яковлева. Новая летопись. Отрывок, 1950, № 42, стр. 21—22; Искраевский летописец. Матер. по истории СССР, т. II. Документы по истории XV—XVII вв., М., 1955, стр. 5—210. Ср.: И. Кулицев. О построении Московского Покровского (Паскани Блаженного) собора (Новые летописные данные). ЧОИДР, кн. 1, 1896, отд. IV, стр. 19—24.

³⁶ Посафоновская летопись. М., 1957. А. Зиминым был найден также Троицкий список Новгородской 1-й летописи, использованный в издании 1930 г. Ср.: А. А. Зимин и А. П. Насонов. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. Вопросы истории, 1954, № 2, стр. 89—91.

³⁷ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. Истор. архив, т. V, 1950, стр. 3—9; И. П. Масленикова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству Л., 1954, стр. 184—193 («Возле Пскова — по рукописи Рум. муз. № 255»); С. П. Албелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1980; Я. С. Мурье. 1) Краткий летописец Новгородского собрания. Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 431—443; 2) О печатной Холмогорской летописи. Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию С. П. Вязки, М.—Л., 1964, стр. 449—455.

С 1954 г. виднейший знаток русского летоисчисления А. П. Насонов обратил к систематическому просмотру рукописных сборников Москвы и Ленинграда для выявления всех имеющихся там летописных памятников. Уже в 1955 г. им было зарегистрировано в трех крупнейших хранилищах Москвы более тысячи рукописей, содержащих рукописные тексты.³⁸ В ходе этого просмотра был найден летописец конца XV в., сохранившийся в рукописях ГИМ, Муз. № 3844 и ГИМ, Синод. № 944; А. П. Насонов считал этот летописец кратким изложением ростовского владычного (архиепископского) свода.³⁹ Были обнаружены также два списка сокращенного летописного свода 1495 г. (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 289 и ф. 181, № 305), близкого к сокращенному летописному своду 1493 г., известному А. А. Шахматову (по списку ГИМ, Погуд. 1409), и к Софийской 1 летописи по списку Цирекова.⁴⁰ А. П. Насонов нашел еще (в рукописи Спасо-Прилуцкого монастыря — ГИМ, Увар. собр., № 592) летописный свод 1497 г., близкий к известной раньше (по неопубликованной) Уваровской летописи; ⁴¹ он обнаружил новые варианты Типографской и Вологодско-Пермской летописей,⁴² ряд отдельных летописных рассказов и кратких летописцев и т. д.⁴³

Обильные археографические находки 50-х годов еще раз напомнили о необходимости систематического издания летописных текстов. Уже в предисловии к сборнику «Материалы по истории СССР», где был опубликован Никитарецкий летописец и найденный А. П. Насоновым «Летописный свод XV века» (Синод. № 944 и Муз. № 3844), редакция писала, что эта публикация «имеет

³⁸ А. П. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 243—285. Ср.: А. П. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летоисчисления. Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 235—264.

³⁹ А. П. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 245; Материалы по истории СССР, т. II, стр. 275—321. Ср. ранее на эту публикацию: Ист. архив, № 4, 1956, стр. 280.

⁴⁰ А. П. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 247—250. Ср.: С. М. Капитанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). Проблемы источниковедения, т. VIII, М., 1959, стр. 400—463; И. С. Зурьев. Новые памятники русского летоисчисления конца XV в. История СССР, 1964, № 6, стр. 119—125.

⁴¹ А. П. Насонов. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 251—252; 2) Материалы и исследования по истории русского летоисчисления, стр. 252—255. Ср.: К. П. Сербина. На истории русского летоисчисления конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). Проблемы источниковедения, т. XV, М., 1963, стр. 391—428; И. С. Зурьев. Новые памятники русского летоисчисления, стр. 125—141.

⁴² А. П. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летоисчисления, стр. 235—252; 2) Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 252—253.

⁴³ А. П. Насонов. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 253—285; 2) Материалы и исследования по истории русского летоисчисления, стр. 255—264.

особое значение и связи с подготовкой к новому советскому изданию „Полного собрания русских летописей“.⁴⁴ В 1950 г. была восстановлена (под прямым руководством М. П. Тихомирова) Археологическая комиссия при Отделении петрологических наук АН СССР; комиссия эта, правда, не предполагала, в отличие от своей предшественницы, непосредственно издавать летописи (эта обязанность была с 1960 г. возложена на специальную группу по изданию летописей),⁴⁵ но она должна была координировать работу такого характера, выработать принципы издания, подготавливать археологические экспедиции и т. д.

Если в конце 30-х годов советские археологи предполагали переиздавать все русские летописи сначала и по новому плану, то теперь они пошли по несколько иному пути. ИСРЛ было не заменено, а продолжено — с того тома, на котором оно прервалось в 1921 г. (т. XXIV — Типографская летопись). Уже Московский летописный свод, опубликованный М. П. Тихомировым (вместе с Е. П. Борисовой, Т. П. Протасьевой и М. В. Щепиной) в 1949 г., был издан как т. XXV ИСРЛ. Но на этом падение опять прервалось на 10 лет. Лишь в 1959 г. вышел т. XXVI ИСРЛ — Вологодско-Пермская летопись, давно уже подготовлявшаяся к печати М. П. Тихомировым (вместе с В. И. Бугановым и Т. П. Протасьевой).⁴⁶ Начиная с этого года новые тома стали появляться регулярно: Нижегородская летопись и Сокращенные летописные своды конца XV в. (И. П. Улащик и С. М. Каштанов, под ред. А. П. Павлова); Летописные своды 1497 и 1518 гг. (К. П. Сербина); Летописец начала царства, Александро-Невская и Лобовицкая летописи (М. Е. Блечкова и А. А. Зимин, под ред. А. А. Зимина; А. Г. Кузьмин, под ред. И. П. Улащика); Владимирский летописец и Новгородская II летопись (М. П. Тихомиров и Л. Л. Муравьева, под ред. М. П. Тихомирова).⁴⁷ В настоящее время вышло уже 30 томов ИСРЛ. В те же годы были переизданы (фототипическим путем) важнейшие тома ИСРЛ (Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская и Тверские летописи), давно уже ставшие библиографической редкостью.

Подводя итоги работе по отысканию и публикации летописей, мы вправе отметить ряд крупных достижений: продолжая издание «Полного собрания русских летописей», наши археологи ввели в науку новый обширный материал, который открывает перед историками и филологами большие исследовательские возможности. Но не следует забывать и о важнейшей задаче, которая пока еще не решена: серьезные недостатки старого полного

⁴⁴ Материалы по истории СССР, т. II, стр. 4.

⁴⁵ М. П. Тихомиров, Русские летописи, их издание и изучение. Вост. АН СССР, 1960, № 8, стр. 73.

⁴⁶ ИСРЛ, т. XXVI, М., 1959.

⁴⁷ ИСРЛ, т. XXVII, М., 1962; т. XXVIII, М., 1963; т. XXIX, М., 1965; т. XXX, М., 1965.

собрания летописей отмечались уже давно, однако переназвание ПСРЛ по новым принципам так и не осуществлено. Более того, новые тома еще больше подчеркнули неоследовательность и неудобство общего плана издания. Об этом говорит хотя бы переиздание Новгородской II летописи, которая уже публиковалась когда-то в т. III ПСРЛ, а теперь вновь напечатана в т. XXX. В сущности, ПСРЛ дашло перестало быть собранием, построенным по какому-либо плану, а стало своего рода периодическим изданием (без сомнения, чрезвычайно ценным), публикующим летописи.

Особенно трудным делом оказывается при таком положении определение и наименование новых летописных текстов. Сделали план М. Д. Приселков, предложившего переименовать значительную часть летописей для того, чтобы их названия соответствовали действительной истории летописания, несомненно был связан с рядом трудностей (неприличность новых названий, неуверенность в их окончательном характере),⁴⁸ хотя один опыт подобного переименования был успешно осуществлен — при издании Неклюевских летописей. Но путь, по которому пошла археографы за последнее время, представляется еще менее удачным. Затрудняясь в наименовании новых летописей, они предпочли названия описательного характера. Впервые так названа была летопись Увар. № 1366, изданная в т. XXV ПСРЛ. М. П. Тихомиров отожествил эту найденную им летопись с Московским сводом 1479—1480 гг., открытым А. А. Шахматовым (это было не совсем точно, так как Увар. № 1366 представляла собой уже последующую редакцию свода, составленную после 1492 г.),⁴⁹ и назвал ее «Московским летописным сводом конца XV века». Вслед за «Московским сводом конца XV века» появились ряд названий новых летописных памятников, построенных по такому же принципу: «свод» с указанием времени появления —

⁴⁸ Ср.: Д. С. Лихачев, *Тетралогия*, стр. 356—357.

⁴⁹ Известия за 1480—1492 гг. не были в этой летописи простыми приписками к своду 1479 г. (как считал Д. В. Чернин в рецензии на ПСРЛ, т. XXV — *Вопросы истории*, 1960, № 9, стр. 143), и представляли собой развернутое продолжение великокняжеского летописания, сходное с текстами ряда других летописей (Сокращенные своды 1403 и 1495 гг., Симеоновская летопись и др.). Различие между сводом 1479 г. (Эрмитажный список) и Увар. № 1366 делает особенно досадным то обстоятельство, что при издании Московского свода конца XV в. Эрмитажный список не был полностью привлечен даже в различительных на том основании, что этот список изобилует множеством ошибочных чтений и такое привлечение означало бы фактическое издание по шрифтам к рукописи XVI в., а ошибок переписчика XVIII века» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 5). Однако, как показал А. П. Пашков, в Эрмитажном списке встречается и лучшие по сравнению с Уваровским чтенья (А. П. Пашков, *Московский свод 1492 г. и Ермитажский летопись*, *Вопросы социально-экономической истории и историко-географического периода феодализма в России*, Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 249).

«Летописный свод XV в.» (краткий летописец, изданный в 1955 г. А. П. Насоновым),⁵⁰ «Сокращенные летописные своды конца XV в.» (ИСРЛ, т. XXVII), «Летописный свод 1497 г.» и «Летописный свод 1518 г.» (ИСРЛ, т. XXVIII).

Начавши эти неудобия со многих точек зрения. Понятие «свод» давно закрепились в нашей науке как текстологический термин — обозначение гипотетически восстанавливаемого сложного летописного источника. Уже при разработке плана нового издания ИСРЛ М. Д. Присежков (опираясь на наблюдения Г. Л. Гейерманса) настаивал на том, что реально дошедшие до нас летописные своды следует при их издании называть не сводами, а летописями, «что дало бы возможность и учету различия между летописными сводами как учеными построениями и летописными сводами, сохранившимися в действительности».⁵¹ Помимо этого, наименование новой летописи «сводом» с лаконичным упоминанием его даты приводит к путанице и смешению между собой «сводо» (реальных и гипотетических) близких и совпадающих родов (например, опубликованный недавно «Летописный свод 1518 г.» — Уваровский летописец и «свод 1518 г.» — гипотетический источник Сярфийской II и Зыловской летописей).⁵²

Поставленный здесь вопрос о наименовании подопытных летописей — часть более широкой проблемы их издания. Речь идет о предварительном текстологическом исследовании всех издаваемых летописных сводов, об установлении их редакций, о точном определении отдельных этапов истории летописания. Лишь в результате всей этой огромной работы может быть создано новое, систематическое, до конца продуманное, точное научное издание русских летописей.

Осуществление этой задачи во многом зависит от тех исследовательских кадров, которым предстоит заниматься изданием летописей. За последние годы советская наука и летописец пошла тяжелыми утратами: в 1965 г. умерли А. П. Насонов, ученый, связавший всю свою научную деятельность с изучением летописания, и академик М. П. Тихомиров, инициатор продолжения ИСРЛ и редактор большинства его новых томов.⁵³ Но и эти же годы вышел ряд работ новых исследователей летописания из числа сотрудников Археографической комиссии и летописной группы Академии наук, Института истории (в Москве и Ленин-

⁵⁰ Материалы по истории СССР, т. II, стр. 275—320.

⁵¹ М. Д. Присежков, Пожелательные замечания к плану издания полного собрания русских летописей, л. 17; ср. л. 5.

⁵² Ср.: Д. С. Лихачев, Текстология, стр. 355—356; Я. С. Лурье, Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 118—119.

⁵³ См.: Памяти Михаила Николаевича Тихомирова, История СССР, 1965, № 3, стр. 217—222; Памяти Арсения Николаевича Насонова, История СССР, 1965, № 6, стр. 225—226.

граде), Института русской литературы (Пушкинский дом) и других научных учреждений. Перед этим поводом поколебанием стоит не только задача научного издания летописей, но и ряд сложных проблем, которые возникают при их изучении.

II

В пределах одной статьи невозможно изложить выводы многочисленных трудов по летописанию, вышедших за годы Советской власти; читатель, который пожелал бы ознакомиться с этими работами, может воспользоваться «Библиографией русского летописания», изданной в 1962 г. Р. Н. Дмитриевой. Мы хотели бы в первую очередь отметить основные обобщающие работы по истории летописания.

Первыми среди этих трудов должны быть названы исследования А. А. Шахматова. Шахматову, как мы знаем, удалось доселе работать после революции, по ряду его важнейших трудов, в том числе «Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв.» и вторая часть «Повести временных лет», был опубликован при Советской власти, а, что еще важнее, обосуждение этих работ, введение их выводов в научный оборот относятся уже к нашему времени.

Мы отмечаем, что построении А. А. Шахматова, рассматривавшего эволюцию летописных сводов в связи с политическими тенденциями летописцев, расходившейся с мнениями многих исследователей старой школы. В числе противников А. А. Шахматова оказался, в частности, другой виднейший филолог того времени — В. М. Петрич. Отвергая схему истории древнерусского летописания, предложенную А. А. Шахматовым, В. М. Петрич отвергал и его взгляд на работу древнерусского летописца. Он настаивал на том, что летопись никак не была связана «с какими-либо определенными политическими событиями». «Если мы и разложим ее на отдельные части, то и тогда не обнаружится прямой зависимости каждой из них с современностью, т. е. мы не имеем данных связывать «составление того или иного свода с какими-либо историческими явлениями, которые вызвали появление этого именно свода, этой именно части».⁵⁴

Эти замечания В. М. Петрича были связаны со всем его научным мировоззрением. Если А. А. Шахматов, учитывая опыт более поздних летописных сводов (где было много параллельных текстов и политическая тенденциозность выступала особенно рельефно), объяснил расхождение между памятниками древнейшего летописания («Повесть временных лет» и Новгородская I летопись) «политическими страстями и мирскими интересами»

⁵⁴ В. М. Петрич. Очерк истории древнерусской литературы допетровского периода. Изд. 1922, стр. 136.

летописцев, то В. М. Истрин видел здесь просто ошибки «устных пересказов»: «Одни могли называть Олега виззем, другие — повсюдой Игоревым. . . ; одни говорили, что Владимир крестился в Киеве, другие — в Васильеве, третьи — в Корсуни и т. п.»⁶⁵ Нежелание признавать тенденциозность летописцев в значительной степени было связано у В. М. Истрина (как и у некоторых авторов, высказывавших те же взгляды позднее)⁶⁶ со взглядом на «политические страсти» как на заведомо отрицательное явление, как на свойство, уступающее достоинство древнего писателя. В какой-то степени подобный взгляд разделял, но видимо, и сам А. А. Шахматов: говоря о пристрастности летописца, он по без осуждения противопоставил его в этом отношении подлинным «благочестивым отшельникам», руководившимся более «высокими идеалами».

Большую роль в спорах по поводу трудов А. А. Шахматова играли и последовательные приемы этого выдающегося филолога, его текстологические принципы. Говоря о А. А. Шахматове, как о представителе нового периода в изучении русского летописания, А. Е. Пресняков справедливо указывал, что для предшественников А. А. Шахматова (Г. П. Востужева-Рязнина и других) были характерны взгляд на летописные своды как на «механические сводки разнородного материала на хронологической канве» и связанное с этим стремление «разложить их на составные элементы, расписать их сводку и использовать отдельные данные, известия, выписки из разных памятников письменности».⁶⁷

⁶⁵ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова. Я., 1924 (оттиск из ИОРЯС, т. XXVII, стр. 81).

⁶⁶ Ср., например: И. П. Еремич. Литература Древней Руси. М.—Л., 1910, стр. 62—69. Ср. ниже, стр. 25, прим. 72.

⁶⁷ А. Е. Пресняков. 1) А. А. Шахматов и изучение древнерусских летописей. ИОРЯС. М. за 1920 г., т. XXV, стр. 163 и 167—169; 2) А. А. Шахматов (некролог). Дела и дни, 1920, кн. 1, стр. 613. Вспомогая против этих замечаний А. Е. Преснякова, А. Г. Кузьмин заметил недавно, что сведения работ Г. П. Востужева-Рязнина и его последователей не в том, что они стремились разложить летописные своды, «разбить их сводку» — такая задача неизбежно встает перед историком, когда он обращается за материалом к летописи (А. Г. Кузьмин. Рязнинское летописание. М., 1915, стр. 4). Попытки механического разложения вставлений летописных сводов на источники действительно делались и делаются и после работ А. А. Шахматова, но этот метод является все-таки несравненно менее предпочтительным, чем метод А. А. Шахматова. Найдя в летописном своде какие-то известия, связанные, допустим, с Суздалью или Рязанью, мы вправе предположить, что они суздальского или рязанского происхождения, но предположение это (без дополнительных доказательств) останется все-таки не более чем догадкой. Но если два рязанских летописных свода на протяжении ряда лет совпадают между собой, а потом расходятся, то несомненно либо зависимость одного из них от другого (что бывает редко), либо наличие общего прототипа. При всей гипотетичности определения отдельных сводов, данных А. А. Шахматовым, самый факт существования ряда сводов — прототипов дошедших до нас летописей — доказан

А. А. Шахматов противопоставил этому взгляд на своды как на «сложное тело, развившееся из других более древних, но уже сложных тел», и метод сравнительного изучения сводов, позволяющий обнаружить их общий источник — свод-протограф, имеющий свое историческое и литературное лицо. С этим был связан и принцип комплексного изучения летописей, обязательного сопоставления всех летописных сводов, отражающих данную летописный текст, и построения генеалогических схем, которые должны полностью объяснить взаимоотношения между этими летописями. Не менее характерен был и самый метод анализа сопоставленных текстов, применявшийся А. А. Шахматовым. Д. С. Михачев определял его как «метод логически смыслового анализа», как стремление «в первую очередь искать сознательные причины изменения текста и только в случае невозможности более или менее достоверно объяснить изменения намерением переписчиков и передатчиков оставаться довольным на объясненных, допускающих простую «ошибку»⁶⁸. К этому следует прибавить еще одну особенность шахматовского анализа: стремление исследователя пойти, так сказать, «необратимые» случаи при сопоставлении текстов, когда первичность одного текста по отношению к другому несомненна или чрезвычайно вероятна.

Текстологические принципы А. А. Шахматова обнаруживаются, например, и проведенном им сравнительном анализе «Повести временных лет» (ПВЛ) и Новгородской I летописи. А. А. Шахматов пришел к все редакции и когда обеих памятников, подробно исследовав их историю. Сопоставив между собой ПВЛ и Новгородскую I летопись младшего извода, он отметил, что в последней нет выписок из греческой хроникой Амартола, договоров Олега и Игоря с греками, отсутствует рассказ о четвертой мести Ольги древлянам, о сожжении Сигтослава с греческим царем и некоторые другие места. Могли ли эти разделы находиться в первоначальном тексте и быть выпущенными Новгородской летописью? А. А. Шахматов показал, что рассказ о победе Ольги над древлянами гораздо последовательнее в Новгородской летописи, чем в ПВЛ, где единичная фраза «И победиша Древляны и возложиша на них дань велику» разрезана поперек и внутри ее поставлен рассказ о четвертой мести Ольги. Крайне маловероятно было бы последовательное исключение Новгородской летописью всех договоров с греками. И совсем уже невозможно, чтобы новгородский летописец, выехав в своем источнике цитату из Хроникой Амартола, затем специально исключил ее оттуда. Поэтому А. А. Шахматов приходил к выводу, что Новгородская

ны с полной несомненностью, и ни один историк не может не считаться с этими выводами.

⁶⁸ Д. С. Михачев. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 14—20; 2) Текстология, стр. 360—369.

летопись восходили к своду, в котором всех этих известий еще не было, т. е. к своду, предшествовавшему ПВЛ.⁵⁹

Исследователи, критиковавшие основные построения А. А. Шахматова после его смерти, расходились с ним и в текстологических принципах. В своих «Замечаниях о начале русского летописания» В. М. Петрич не рассматривал всех сводов, включавших в себя текст древнейшего летописания, и упорно оставался в пределах «Повести временных лет». Он заявил, что оставляет «пока в стороне Новгородскую I летопись» и что не видит ничего невозможного в том, что именно эта летопись была источником рассказов о четвертой жемчужине, договоры с греками и другие места, читающиеся в ПВЛ.⁶⁰ Особенно большое внимание уделял В. М. Петрич взаимоотношениям древнейшего русского летописания с Хроникой Георгия Амартола — памятником, близким специальным предметом его исследований. На первый взгляд наблюдения В. М. Петрича как будто действительно противостоят построению А. А. Шахматова: В. М. Петрич нашел в Новгородской летописи «следы» Хроники Амартола. Но, как отметил сам В. М. Петрич, «следы» этот восходит не к полному славянскому переводу Амартола, а к некой компиляции, использованной Хроникой; замечания же на «сводной Хронике Георгия Амартола», читающиеся в ПВЛ и Новгородской I летописи отсутствуют. Таким образом, В. М. Петрич не только не опровергает текстологических наблюдений А. А. Шахматова, но даже подтвердил их «поискательность»: было бы совершенно невероятно, если бы новгородский летописец последовательно вычеркивал в своем источнике все прямые цитаты из Амартола, а косвенные — сохранил; В. М. Петрич признавал источник, что Новгородская I летопись не может рассматриваться как «простое сокращение» ПВЛ и восходит к летописному памятнику, который был одним из предшественников ПВЛ.⁶¹ Казалось бы, это обстоятельство должно было бы заставить В. М. Петрича пересмотреть его взгляд и на другие отрывки Новгородской I летописи от ПВЛ, но он этого не сделал и в своих заключительных выводах совершенно игнорировал Новгородскую I летопись и ее место в истории древнейшего русского летописания.⁶²

Неприятие принципа комплексного исследования летописей и игнорирование Новгородской I летописи при изучении древнейшего летописания характерны и для других критиков А. А. Шахматова — Н. К. Никольского и С. А. Бугославской. Н. К. Никольский вообще отказывался от «текстуального анализа лето-

⁵⁹ Ср.: А. А. Шахматов, *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, стр. 3—7.

⁶⁰ В. М. Петрич, *Замечания о начале русского летописания*, стр. 48.

⁶¹ Там же, стр. 74.

⁶² Там же, стр. 248—251. Генезисической схемы, которая могла бы уточнить его текстологические построения, в работах В. М. Петрича не было.

писей» (отвергая, однако, выводы, сделанные А. А. Шахматовым на основе такого анализа),⁶³ а С. А. Бугославский писал: «Мы вправе выделить и анализировать только текст ПВЛ из состава различных сводов, не касаясь истории сводов в целом».⁶⁴ Утверждая, что Новгородская летопись выходила к тексту, «в котором сокращенный текст ПВЛ соединен с новгородскими погодными записями и статьями», С. А. Бугославский шел даже дальше В. М. Петрича и допускал, что и цитаты из полной Хроники Амартола, отсутствующие в Новгородской I, могли быть сокращены редактором «новгородской редакции ПВЛ».⁶⁵

Построения критиков А. А. Шахматова не были приняты большинством исследователей; шахматовские текстологические принципы и данная им основная схема истории русского летописания прочно вошли в советскую науку.⁶⁶ Схема А. А. Шахматова получила дальнейшее развитие и обоснование в работе М. Д. Присьяжко «История русского летописания XI—XV вв.» — первом в историографии обобщающем труде такого характера.

Характеризуя во введении в своей книге шахматовский метод поиска и определения сводов протографов дошедших до нас летописей («метод больших скобок»),⁶⁷ М. Д. Присьяжко писал: «Несомненно, что дальнейшее изучение внесет и добавит Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных

⁶³ П. К. Пыкоделский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. первый. I—IX. Л., 1930, стр. 3—4.

⁶⁴ С. А. Бугославский. Повесть временных лет (Синскл. редакция, первоначальный текст). Сб. «Старинная русская повесть. Статьи и исследования» под ред. П. К. Гудачи. М.—Л., 1931, стр. 13.

⁶⁵ Там же, стр. 16.

⁶⁶ Ср.: Д. С. Анучин. Русские летописи..., стр. 16—17 и 29—33; Д. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды. Истор. записки, т. 25, 1948, стр. 293—302; А. П. Насонов. Начальные главы летописания в связи с развитием Древнерусского государства. Проблемы источниковедения, т. VII, М., 1950, стр. 417—418; М. П. Эпхимеров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 64; П. П. Бусянов. Русское летописание и советская историография. Вопросы истории, 1936, № 12, стр. 145 и др.

⁶⁷ М. Д. Присьяжко. История русского летописания XI—XV вв., стр. 13. Отстаивая принцип комплексного изучения текста летописей, Д. С. Анучин в какой-то степени противопоставляет ему метод «больших скобок» у А. А. Шахматова как гипотетический, указывая, что теперь, после работ А. А. Шахматова и других исследователей, «продолжать пользоваться этим методом уже нет необходимости» (Д. С. Анучин. Текстология, стр. 363—364). Если бы с этим можно было согласиться. Конечно, пока исследователи, определив и анализируя летописные тексты, могут теперь опираться на методы своих предшественников, но хотя нам известно теперь больше летописей, чем прежде, огромно большинство их не сохранилось и вряд ли будет когда-нибудь найдено. Исследуя судьбу какого-либо памятника, находящегося в составе летописных сводов, мы никогда не сможем избежать гипотетических построений, ценность которых, однако, будет зависеть от широты охватываемого ими материала.

тем, которые вносил сам исследователь, но это дальнейшее изучение непременно будет исходить из того метода изучения летописных текстов, которые указал Шахматов. . . Одной из самых поучительных сторон работ А. А. Шахматова в области летописания является именно включение в изучение всех имеющихся летописных текстов и построение гипотез, захватывающих в своем охватывании весь этот материал.⁶⁸ Исходя из того же принципа изучения всего наличного материала, отираясь на свои исследования Лаврентьевской и Троицкой летописей, М. Д. Присеков пересмотрел целый ряд конкретных выводов А. А. Шахматова по истории Владимир-Суздальского летописания XII—XIII вв. и московского летописания XIV—XV вв.⁶⁹ Но значение труда М. Д. Присекова заключалось не только в пересмотре отдельных разделов истории летописания и не только в том, что изыскания над генеалогией летописных сводов были приведены им в стройную и последовательную систему. Главное значение этого труда заключалось в том, что, в отличие от А. А. Шахматова, для которого летописи были предметом филологического исследования, М. Д. Присеков подошел к ним прежде всего как историк-источниковед.

Если для А. А. Шахматова пристрастность летописцев была хотя и несомненным, но все-таки досадным и заслуживающим порицания фактом, то М. Д. Присеков уже в своих ранних работах смотрел на нее как на нормальное свойство, естественно присущее всем людям, связанным с общественной жизнью и политикой: тенденциозность Пестора, его связь с князем Святославом вовсе не умаляли в глазах исследователя роли Пестора как крупнейшего писателя-публициста своего времени.⁷⁰

В «Истории русского летописания» М. Д. Присеков привел (отвечая тем самым П. М. Петрину и его научным единомышленникам) огромное количество разнообразных примеров тенденциозности летописцев. Свод, составленный вскоре после смерти Андрея Боголюбского и отразившийся в Лаврентьевской летописи, прославлял старшего сына Андрея — Михаила («Михалку»); летопись, созданная после возмужения второго сына Андрея — Всеволода Большое Гнездо — и отраженная в Радзивиловской летописи, неустанно прибавляла ко всем описаниям подвигов «Михалки» имя его младшего брата («...и Всеволода») (именно этого не заметил в 1927 г. Е. Ф. Барский, механически соединивший соответствующие тексты Лаврентьевской и Радзивиловской летописей); Новгородская летопись объяснила новгородско-московский конфликт 1332 г. нарушением принципа

⁶⁸ М. Д. Присеков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 13.

⁶⁹ Там же, стр. 57—142.

⁷⁰ М. Д. Присеков. Пестор летописец. Пгр., 1923, стр. 67—94, 108—112.

со стороны московского князя, а ее московский редактор — «новгородской изменой»; митрополичий летописец начала XV в. предлагал выгнать в московскую летопись, чтобы начитать там все преступления новгородцев, и т. д.⁷¹ После книги М. Д. Приселкова сомнения в политической пристрастности летописцев, попытки вернуться к образу пушкинского Пимена, «не мудрствующего лукаво», поистине могут считаться научным анахронизмом.⁷²

Но если летописание XI—XV вв. было на всем своем протяжении тенденциозным и пристрастным, то это означает, что историк, исследующий летопись как важнейший источник по политической истории Древней Руси, должен постоянно учитывать эту тенденциозность и опасаться некритического восприятия навязанных ему летописцем общих схем и концепций. «Если историк, — писал по этому поводу М. Д. Приселков, — не углубляется в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разные эпохи нужные ему записи, как бы на нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не оставляет своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись, о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обесценивает запись возможных изысканий над данным источником. . . а, с другой стороны, при этом историк может видеть в то или иное положение, что воспримет факт неверно, т. е. в его московской политической трактовке, через которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов».⁷³ М. Д. Приселков обратил внимание и на другую тенденциозную схему, созданную владимирским великокняжеским летописцем 1177 г. и от него перенесенную во владимирское и московское летописание: согласно этой схеме политический центр русских земель перешел в XII в. из Киева во Владимир, ставший как бы новой столицей Руси. М. Д. Приселков показал, что схема, данная владимирским летописцем, была воспринята в XIX—начале

⁷¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6—7, 9—10, 72—73, 85, 136—139, 176, 183—186 и мн. др.

⁷² Такую попытку сделал И. П. Еремич, обвинивший образ летописца у А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова «модернизационным» и утверждавший, что летописец был скорее моралист, чем политик (И. П. Еремич. Литература Древней Руси, стр. 62—64). Мнение И. П. Еремича по этому поводу было поддержано также А. П. Шохомым (Пятьдесят прожитых лет в новом издании Академии наук СССР. Вести. ИГУ, 1954, № 5, стр. 131 и 134) и П. П. Розановым (Книги о великом художестве древнерусской литературы. Русская литература, 1967, № 2, стр. 186). Однако для того чтобы доказать эти положения, авторам следовало бы критически пересмотреть весь тот материал, который был собран исследователями летописания (реальные разногласия между летописными текстами по политическим остротам вопросам), но никто из них, к сожалению, этого не сделал, ограничившись только чисто эмоциональными замечаниями против «екзистенции».

⁷³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6.

XX в. рядом историков (включая В. О. Ключевского), «без критики летописных текстов пошедших за этим построенным концом XII в.»⁷⁴

Задача пересмотра политической истории России XI—XV вв. на основе критического изучения летописей, поставленная М. Д. Приеелковым и А. Е. Пресняковым еще в их ранних работах,⁷⁵ была вновь выдвинута М. Д. Приеелковым в «Истории русского летописания». В этом главное значение его книги для советской историографии.

Вторым крупным обобщающим трудом во истории летописания, созданным в нашей науке, была книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение». Как и М. Д. Приеелков, Д. С. Лихачев пересмотрел ряд общих построений по истории летописания, сделанных А. А. Шахматовым, и особенно это относится к новгородскому летописанию XII—XIII вв. Но основное значение труда Д. С. Лихачева заключалось в исследовании летописания как литературного явления: если для М. Д. Приеелкова летописи были прежде всего историческими источниками, то для Д. С. Лихачева они — памятники древнерусской литературы.

Рассмотрение летописей как литературного памятника Д. С. Лихачев начал с древнейшего летописания Киевской Руси. Опираясь на исследования А. А. Шахматова о сюжетах, преимущественно важных «Повести временных лет», Д. С. Лихачев показал, что уже в «Повести» соединились разные литературно-стилистические элементы. Ядром киевского летописания была, по мнению Д. С. Лихачева, не летопись в полном смысле слова, и ряд рассказов о первых князьях христианах — «Сказание о распространении христианства на Русь».⁷⁶ Большое внимание Д. С. Лихачев уделил связям летописания с фольклором: он показал фольклорные основы ряда рассказов «Повести временных лет» (сортенно-важные и мудрости хитрости и сценах нападения Олега на Киев, мести Ольги, венчания Святослава и т. п.), проследил влияние народного творчества на летописание XV в. (рассказ об Алексее Поповиче и др.).⁷⁷ Ближайшим народным творчеством объяснил Д. С. Лихачев и возникновение того литературного стиля, который был памят им (в более поздних работах) «эпическим стилем» XI—XIII вв.⁷⁸

⁷⁴ Там же, стр. 73.

⁷⁵ М. Д. Приеелков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Изд., 1948.

⁷⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 62—76.

⁷⁷ Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи..., стр. 132—130; 2) Летописные известия об Александре Поповиче ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 47—51.

⁷⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 70—73.

Обращение к летописным памятникам помогло Д. С. Лихачеву во многом изменить общий взгляд на древнерусскую литературу. Литературоведы, уделявшие преимущественное внимание памятникам церковных жанров (житий, проповедей и т. д.), постоянно приходили к несколько одностороннему представлению о древнерусской литературе, как литературе совершенно своеобразной, сугубо дидактической, абстрактной и «идеальной». Опираясь на материал древнерусского летописания, Д. С. Лихачев (вместе с В. П. Адриановой-Перетц) показал, что древнерусская литература в полной мере было свойственно и стремление к художественно-идеальному изображению действительности, порождаясь такие жестокое, но гильные и точные по художественным деталям «сносеты о киевских преступлениях», как рассказ об ослеплении Василия Теремовльского или об убийстве Андрея Болгобского.⁷⁹

В отличие от М. Д. Присекова и Д. С. Лихачева А. П. Насонов не успел обобщить свои исследования по истории летописания в единую монографию обобщающего характера, хотя и готовил такую работу.⁸⁰ Однако исследования А. П. Насонова заслуживают не только отдельных летописных памятников, но и больших отраслей русского летописания. Русскому областному летописанию были посвящена докторская диссертация А. П. Насонова, объединившая две темы, которыми исследователь занимался в течение многих лет, — тверское и псковское летописание.⁸¹ Особенно важное значение имели работы А. П. Насонова для изучения летописания XV в. Здесь исследователь, во многом должен был отойти от построений А. А. Шахматова. Научный летописец XV—XVI вв., А. А. Шахматов прежде всего старался как-то систематизировать этот колоссальный материал, установить своего рода уклад, стягивающие многочисленные летописные списки XV—XVI вв. Ряд списков (Московский список 1470 г., Симеоновскую, так называемую Ростовскую и др.) А. А. Шахматов связывал с великокняжеским летописанием; другие летописи, которые позволяли себе самостоятельное суждение о политике великого

⁷⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 245—247; В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). ТОДРП, т. XVI, М., Л., 1961, стр. 12—13. Ср.: Д. С. Лихачев. Апостолы и древнерусская литература. Русская литература, 1963, № 1, стр. 81—82.

⁸⁰ Работа эта в настоящее время подготавливается к печати В. А. Кучкиным.

⁸¹ А. П. Насонов. 1) Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. Изв. стив АН, VII серия, отд. гуманитарных наук, Л., 1930, стр. 709—710 и 723—738; № 10, стр. 739—772; 2) О русском областном летописании. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1945, т. II, № 4, стр. 200—202; 3) Из истории псковского летописания. Истор. зап., № 18, 1940, стр. 225—234.

князя», он скорее был ваводить к ростовскому владычному (архиепископскому) летописанию. К числу таких летописей он относил, например, Ермолинскую, Липовскую, Софийскую II и другие.⁸² Исследования А. П. Насонов уточнило выводы А. А. Шахматова, как бы раскрыло поставленные им «большие скобки». А. П. Насонов прежде всего показал, что свод, лежащий в основе Софийской II и Липовской летописей, не только не отражал политики ростовских архиепископов, но в ряде случаев выступал против них; свод этот был связан с митрополитом конца XV в. Геронтием.⁸³ Более сложной оказалась и характеристика Ермолинской летописи: в работах, написанных в последние годы жизни, А. П. Насонов в результате тщательнейшего анализа установил, что основной источник Ермолинской, до 1425 г. отражающийся и в Московском своде конца XV в. (ИСРМ, т. XXV и Эрмитажный список), представлял собой сложную комбинацию общерусскую по своему характеру и едва ли ростовскую по происхождению.⁸⁴ Тем самым выясняется существование в XV в. многочисленных центров общерусского летописания.

Говоря об итогах изучения летописей за 50 лет, следует остановиться на спорных и нерешенных вопросах истории летописания. Больше всего споров в нашей науке вызвала начальная, киевский период русского летописания. Это обстоятельство в значительной степени объясняется сложностью и относительной бедностью материала. Если реконструкция так называемого свода 1093—1095 гг., предложенная А. А. Шахматовым, опираясь на текст Новгородской I летописи, частично передававшей этот свод, то реконструкция так называемого Древнейшего свода 1037—1039 гг. и Новгородского свода 1050 г. не имела подобной опоры и основывалась главным образом на критике текста «Повести временных лет». Уже М. Д. Приедков, а вслед за ним и Д. С. Лихачев строили схему первоначального летописания без Новгородского свода 1050 г. и представляли состав Древнейшего свода иначе, чем это делал А. А. Шахматов (они отнесли рассказы о военных подвигах Олега и Святослава к летописанию

⁸² А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод СРБ, 1904 (отгук из ИОРЯС, т. VIII, кн. 4 и т. IV, кн. 1), стр. 9—83; 2) Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв., стр. 146—150.

⁸³ А. П. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 714—721.

⁸⁴ А. П. Насонов предполагает, что ростовские наветки (которых нет в Московском своде и не было, следовательно, в общем источнике Ермолинской летописи и Московского свода) были внесены в эту комбинацию уже позже, при составлении самой Ермолинской летописи. См.: А. П. Насонов. 1) Московский свод 1478 г. и Ермолинская летопись, стр. 218—222; 2) Московский свод 1478 г. и его новгородский источник. Проблемы источниковедения, т. IX, М.—Л., 1961, стр. 358—364.

второй половины XI в.).⁵⁵ Л. В. Черепнин, М. П. Тихомиров и В. А. Рыбаков поставили под сомнение начальную дату киевского летописания, предложенную А. А. Шахматовым (время Ярослава Мудрого). Относительно летописания и более раннего времени, исследователи пытались опереться на материал, лежащий вне «Новести временных лет». Л. В. Черепнин ссылался на «Память и похвалу» монаха Иакова, в которой еще А. А. Шахматов обнаруживал следы древнейшего летописания. Отмечая, что в «Памяти и похвале» летописные сведения обрываются на 996 г. («девятое лето» после крещения Владимира), М. П. Черепнин высказал предположение, что этим годом заканчивался древнейший свод (ведшийся при Десятинной церкви), легший в основу киевского летописания.⁵⁶ Но «Память и похвала» Иакова — не летопись, а житийный памятник, приводящий летописные известия; если учесть вывод А. А. Шахматова, что систематическая запись известных началась на Руси лишь в 60-х годах XI в., то прибавки в летописных цитатах этого памятника (как и «пустые годы» и соответствующих местах «Новести временных лет») никак не могут считаться чем-то необычным.⁵⁷

Еще более важное значение придавал передатировке древнейшего летописания М. П. Тихомиров, писавший, что если отнести начало русского летописания к XI в., то окажется, что «весь древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о славении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого и тем события?»⁵⁸

В поисках летописных памятников X в. М. П. Тихомиров и В. А. Рыбаков прилепали летописи XVI в., содержащие своеобразные (отсутствующие в «Новести») известия о древнейшем периоде, — Устюжский свод и Никоновскую летопись.⁵⁹ Однако

⁵⁵ М. Д. Приедков, История русского летописания XI—XV вв., стр. 33; Д. С. Лихачев, Русские летописи..., стр. 62—63. Ср. возражения А. П. Насонов, настаивающего на однородности материала и первых главах и светских рассказов о князях-измучниках (А. П. Насонов, Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства, стр. 419—423).

⁵⁶ Л. В. Черепнин, «Новость временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды, стр. 332—333.

⁵⁷ А. А. Шахматов, Разделение и древнейших русских летописных сводов, стр. 308—402. Ср. возражения А. А. Насонова Л. В. Черепнину: А. П. Насонов, Начальные этапы киевского летописания..., стр. 421, прим. 13.

⁵⁸ М. П. Тихомиров, Источниковедение истории СССР, вып. 1, стр. 66.

⁵⁹ М. П. Тихомиров, Начало русской историографии. Вопросы истории, 1960, стр. 43—48, 51—52; В. А. Рыбаков, Древняя Русь. Скипаны. Бялины. Летописи. М., 1963, стр. 160—173.

оба автора не исследовали историю этих поздних летописей (как это сделал А. А. Шахматов с Новгородской I летописью младшего извода) и не доказали, что сведения их хотя бы в какой-либо части первичны по отношению к «Новости временных лет» (и не являются, напротив, обработкой и расширенным рассказом «Новости»).⁹⁰ В тексте «Новости временных лет» М. П. Тихомирову и Б. А. Рыбакову также не удалось найти достаточно убедительных признаков существования летописных записей X в.⁹¹ Разлагая материал дальнейшего летописания на «Сказание о русских князьях X в.» и «Новость о начале Руси», выдвигая на него летописи Оскальды и Ирседава Святославовича, древлянскую летопись, свод Владимира и т. д.,⁹² авторы несколько возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы. Причиной этого в значительной степени является недостаточное количество древнего летописного материала, параллельного «Новости временных лет», и невозможность в связи с этим сравнительно исторического исследования.

⁹⁰ Отметим, что А. А. Шахматов специально изучавший источники Никоновской летописи, приходил к весьма негативным выводам от возможности отождествления на все данные для восстановления древнейших сводов (Рассказание о древнейших русских летописных сводах, стр. 243—245). Признавая крайнюю неадекватность отдельных частей легендарной древнейшей части Никоновской летописи, Б. А. Рыбаков обделен от тем, что князьями X в. считались «александрийскую» и «византийскую» эры (по-разному определенное соотношение «Рождества Христова» и «Сотворения мира»). Однако употребление различных лет отсчета не могло влиять на изображение дат от «Сотворения мира», ибо эти даты употреблялись в Византии, Болгарии и на Руси в последнюю очередь, и не определялись теоретическими расчетами (подобное расхождение не могло сказаться только на определенном дат от «Рождества Христова», и было не употребленным).

⁹¹ Отмечая в составе «Новости временных лет» следы летописания X в. М. П. Тихомиров обращал внимание на сообщение (под 968 г.), что после смерти Ольги «погребена ея на месте, и на другое сообщение, 1077 г., где сказано, что русские «святцы» (среди которых по мнению исследователя, была и Ольга) были перенесены в Десятинную церковь, в Киев; он заключил на этом основании, что заговор сказаний о русских князьях X века еще не был осведомлен о перенесении мощей Ольги в Десятинную церковь; он знал только, что Ольга была погребена «на месте» и притом в Киеве. Следовательно, он не знал еще до 1007 г. (Начало русской историографии, стр. 54—54). Но сообщая, что Ольга была похоронена «на месте», летописец вовсе не утверждал, что она находилась там «до того дня», и, следовательно, мог писать так и после перенесения Ольги (если она была «на месте» в 1007 г.). Отметим убедительность аргументации М. П. Тихомирова и этот вопрос, Б. А. Рыбаков тем не менее принял его вывод о составлении древнейшего свода до 1007 г. (Древняя Русь, стр. 174).

⁹² М. П. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 56; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 187 и 190—192. В рассказе о «судовищной мечте» Ольги Б. А. Рыбаков ощущает «древнейший дух» (там же, стр. 180—181). Более убедительно представляется истолкование этого рассказа как фольклорного в своей основе повествования, представляющего мудрость Ольги (ср.: Д. С. Жихачев. Русские летописи, ... стр. 132—137).

В числе важных спорных вопросов истории летописания принадлежат и вопрос об организации летописной работы. Политическая тенденциозность летописи несомненна; но чем она определялась: собственными симпатиями летописцев или прямым заданием, поставленным при написании летописи? Говоря о прикрасной летописце, душно, очевидно, различать летописи официальные, открыто представляющие какую-либо светскую или духовную власть, официальные или, наконец, просто такие (скажем, летописи какого-либо монастыря), в которых выражались классовые или политические симпатии их авторов.

На Руси несомненно существовало официальное великокняжеское летописание, впоследствии (в XVI в.) перешедшее в царское летописание. В первой половине XV в., когда влияние московских князей было серьезно ослаблено внутрикняжескими распрями, общерусские летописные своды велись при дворе митрополитов всей Руси. В Новгороде летописание велось при княжеском (архиепископском) дворе. Но должны ли были летописи при дворах митрополитов и епископов вести постоянно? Епископы княжести, находившиеся в зависимости от Москвы, вовсе не были самостоятельными политическими фигурами. С середины XV в., после отпадения русской церкви от константинопольской патриархии и раскола митрополии на московскую и киевскую, московские митрополиты стали полностью зависеть от великих князей: уже Иван III смещал и назначал их по своей воле. Летописи, по словам М. Д. Приселкова, «уграчивают теперь свой белый смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования»;⁹⁰ официальная митрополичья летопись, противостоявшая великокняжеской, становилась поэтому со второй половины XV в. невозможной, ибо единственной властью на Руси была великокняжеская власть.

Мнение М. Д. Приселкова⁹¹ о прекращении митрополичьего летописания после раскола митрополии всей Руси высказано по мнению А. П. Пасонова. Установив существование в конце XV в. летописного свода, близкого к митрополиту Геронтию (протограф Софийской II и Лаврской летописей), А. П. Пасонов пришел к выводу, что митрополичье летописание продолжало существовать и после раскола митрополии и «на рубеже XV и XVI вв. издало, возможно, не одну редакцию».⁹² Митрополичье летописа-

⁹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 176.

⁹¹ Мнение это было высказано М. Д. Приселковым еще в 1925 г. в докладе, прочитанном в Обществе любителей древней письменности (ср.: А. П. Пасонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 114, прим. 1). Ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 162—164.

⁹² А. П. Пасонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 714—723.

ние второй половины XV в., как и летописные «владычные» (отдельных епископов), не может, по мнению А. П. Насонова, рассматриваться как летописание «неофициальное».*

Но как же представлял себе А. П. Насонов роль и функцию такого официального летописания митрополита и владык в Русском централизованном государстве? Великокняжеская летопись была документом, на который открыто ссылались, даже и в спорах международного характера. Могли ли летописи, сочувствующая митрополиту и осуждающая «государя всех Русии», выступать так же открыто? Знал ли великий князь, что шло в «официальной» летописи зависящего от него митрополита? Очевидно, для того, чтобы решить вопрос о возможности или невозможности в конце XV в. официального летописания, независимого от великокняжеской власти, необходимо вновь вернуться к вопросу о значении летописания, о том, как и кем велось в Древней Руси различные летописи.

Существование ряда спорных и нерешенных вопросов истории летописания никак не говорит, конечно, о недостаточном развитии этой области советского источниковедения. Напротив, самая возможность постановки таких вопросов свидетельствует о зрелости нашей науки. Опираясь на лучшие достижения дореволюционной филологии, советская наука очень много сделала для осмысления таких важнейших памятников древнерусской историографии и литературы, какими были летописи.

В. А. ЯНИН

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ВИСЛЫХ ПЕЧАТЕЙ

Вряд ли нуждается в особом обосновании важность сфрагистики, которая давно уже стала неотъемлемой частью актуального источниковедения. С ее помощью успешно решаются постоянно встающие перед исследователями задачи установления подлинности, авторства и времени написания древних документов. Примеры удачного использования сфрагистических возможностей для решения практических вопросов дипломатики многочисленны. Однако содержание сфрагистики отнюдь не сводится, вопреки распространенному представлению, к участию в дипломатической критике. Живое свидетельство этому — огромный материал русской сфрагистики X—XV вв., в котором вислые печати, сохранившиеся при документах, составляют каких-нибудь 7—8% от общего числа зарегистрированных сейчас памятников. Наставшая на преобладании вспомогательной функции сфрагистики, мы

* А. П. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 269.